

Полина Санаева – автор замечательных рассказов. Она владеет весьма редким даром говорить о том, что ее пугает и мучает. На фоне всеобщего хвастовства и самодовольства ее книга поражает интимностью. Наедине с ней читатель может признаться себе во всем. Даже в том, о чем молчит наедине с собой.

Дмитрий Быков, поэт, писатель,
публицист, теле- и радиоведущий*

Как бы мне хотелось однажды посмотреть сериал, снятый по сценарию Полины Санаевой. Пусть это будут вот такие картинки жизни, как те, что собраны в этой книге. Как будто без одной сюжетной линии, они на самом деле складываются в линию жизни – смешную, задумчивую, иногда печальную, честную.

*Ольга Сергеева, генеральный директор
Seasons Project*

Так редко сегодня в мире, где все гонятся за сжатыми до клипов и наночастиц смыслами, получаешь от чтения удовольствие тягучее, эстетическое, почти музыкальное. Почти «набоковское», не побоюсь. Полина Санаева всегда возвращает нас во времена, когда текст сам по себе был ценностью и когда ты узнавал в нем себя – и радовался, и грустил, и просто тихо думал.

*Юлия Варшавская, главный редактор
Forbes Life и Forbes Woman*

* Признан иностранным агентом.

Полина Санаева пишет о себе, а выходит, что о нас о всех. Это густо, остро,пряно, больно, звонко, горячо, вкусно, пахуче, слезно... Влезаешь в эту книгу, как в одеяло, а там – волшебство. Мамины серебряные браслеты, пьяные и загадочные мужчины в ночном метро, чужие и уютные квартиры в самом пупке Москвы, соленые махачкалинские ветры, обрывки подслушанных разговоров, подсмотренных сценок, пропущенного через себя восторга и жалости. Вот пронзительно одинокий дед с брезентовым рюкзаком на дождливой автобусной остановке, а вот летний тротуар в пятнах тутовника, а еще как хорошо иногда вернуться домой подшофе, купить настоящую живую елку вместо пластмассовой или, как в тех знаменитых стихах, стать на время «женщиной-женщиной, звенеть браслетами, поправлять волосы». После чтения этой книжки хочется глядеть по сторонам, шуршать листьями, есть плов с барбарисом, встречаться с друзьями, нырять в омут, влюбляться в кого угодно, в общем, жить на всю катушку, не оглядываясь на правила. Вот такая вдохновляющая проза.

Алиса Ганиева, писатель

Книга с ароматом женской жизни – немного духов и туманов, немного пирожков и глаженного белья. Запахи цветов и трамваев, бесприютной любви и теплого дома. Это книга собрана из оттенков женского настроения, которых больше, чем платьев в шкафу, и каждый по-своему привлекателен.

Марта Кетро, писатель

Женщина-женщина

ЧЕРНАЯ ВОДОЛАЗКА

Иногда хочется быть такой женщиной-женщиной,
звенеть браслетами,
поправлять волосы,
а они чтоб все равно падали,
благоухать «Герленом»,
теребить кольцо,
пищать: «Какая прелесть!»

ЖЕНЩИНА - ЖЕНЩИНА

Мало есть в ресторане, –

«Мне только салат».

Не стесняться декольте,

напротив, расстегивать

совсем не случайно

верхнюю пуговку.

Привыкнуть к дорогим чулкам

и бюстхалтеры покупать

только «Лежаби».

Иметь двух любовников,

легко тянуть деньги –

«Ты же знаешь – я не хожу пешком»,

«Эта шубка бы мне подошла»...

Не любить ни одного из них.

«И потом в гробу

вспоминать Ланского».

А иногда хочется быть интеллигентной дамой,

сшить длинное черное платье,

ЧЕРНАЯ ВОДОЛАЗКА

купить черную водолазку,
про которую Татьяна Толстая сказала,
что их носят те, кто
внутренне свободен.
Если курить, то непременно с мундштуком,
и чтоб это не выглядело
нелепо.

ЖЕНЩИНА - ЖЕНЩИНА

Иногда подходить к шкафу,
снимать с полки словарь,
чтоб только уточнить слово,
говорить в трубку: «Мне надо закончить статью,
сегодня звонил редактор», —
рассуждать об умном на фуршетах,
а на груди и в ушах чтоб —
старинное серебро
с розовыми кораллами
или бирюзой.

Чтоб в дальнем кабинете
по коридору налево
сидел за компьютером муж-ученый,
любовь с которым
продолжалась бы вечно.

Чтоб все говорили:
«Высокие отношения».

Чтоб, положив книжку

ЧЕРНАЯ ВОДОЛАЗКА

на прикроватный столик,
перед тем, как выключить свет в спальне,
он замечал:

«Дорогая, ты выглядишь бледной,
сходи завтра к профессору
Мурмуленскому.
Непременно».

А иногда просто необходимо быть
холодной расчетливой сукой.

И большой начальницей,
чтоб все в офисе показывали пальцем
и так и говорили новеньким:

«Она холодная расчетливая сука,
пойдет по трупам».

Ну зачем так грубо?

И зачем же сразу «по трупам»?

«А вы, девушка, уволены».

ЖЕНЩИНА - ЖЕНЩИНА

«Кажется, я ясно ставила задачу».

Называть красивых секретарш

«дурочками»

прямо в глаза.

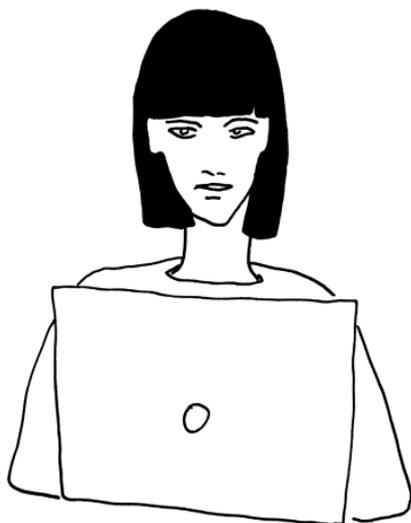
Не потому что дурочки, а потому что красивые.

Топ-менеджерскую зарплату

тратить на элитную косметику,

и чтоб золотых карт миллион,

с сумасшедшими скидками...

ЧЕРНАЯ ВОДОЛАЗКА

Коллекционировать современное искусство,
развешивать его
по голым стенам в кабинете
и в огромной пустой квартире,
где на сушилке в кухне
одна чашка, одна ложка
и две табуретки
у барной стойки.

Говорить мужчине:

«Жалкий неудачник», –

то есть нет – «лу-у-у-у-у-у-зер».

Утверждать, что мастурбация –

дело всенародное,

и спать с котом,

(«он же член семьи!»),

которого кормит домработница.

А иногда хочется быть такой своей для всех

в доску.

ЖЕНЩИНА - ЖЕНЩИНА

С короткой стрижкой,
красить волосы, губы и ногти оранжевым,
и ходить в больших зеленых ботинках,
с индийской сумкой-торбой,
с наушниками в ушах,
с веревочками на запястье,
все время везде опаздывать,
вопить в курилке:
«Я такую кофейню открыла!»,
«Вы пробовали холотропное дыхание?
Отвал башки!»

ЧЕРНАЯ ВОДОЛАЗКА

И чтоб аж дым из ушей.
Захлебываться от впечатлений,
не успевать спать,
собираться на Гоа
в феврале.
Сидеть в офисе за «маком»,
вокруг чтоб все увешано
разноцветными стикерами
с напоминаниями: «придумать подарок Машке»,
«напомнить Витьке про ужин в среду»,
«купить новые лыжи».
На рабочем столе чтоб фотографии детей
в бассейне и в океане,
портреты собаки – лабрадор (почившей),
и бородатого мужчины в странной желтой шапочке.
Быть всю жизнь замужем
за одноклассником,
который за двадцать лет, представьте,

ЖЕНЩИНА - ЖЕНЩИНА

так и не выкинул
ни единого фортеля.
Да еще и мирится со всеми этими
друзьями, вечеринками, транжирством
и невытой посудой.
«Ты заедешь за мной в восемь?»
«Конечно, зая».

А иногда хочется побриться на лыску
и повязать платочек,
вымыться в бане хозяйственным мылом,
но пахнуть какими-нибудь
травками,
полынью там, или мятой.
Научиться молиться,
читать жития святых,
соблюдать посты,
назвать сына Серафимом,
подставлять, хотя бы мысленно,
другую щеку,

ЧЕРНАЯ ВОДОЛАЗКА

«Ты этого хотел. Так. Аллилуйя.
Я руку, бьющую меня – целую».¹
Излучать доброжелательность,
и чтоб ненатужно так
сиять от унутренней гармонии.
Принести из церкви святую воду в баллоне,
поставить ее в холодильник,
и, когда муторно на душе,
умываться ею

ЖЕНЩИНА - ЖЕНЩИНА

и советовать мамашам,
что, если у ребенка температура,
достаточно просто сбрызнуть,
и чтоб это действительно помогало.

А иногда прямо требуется быть хозяйшкой,
с большой буквы Х.

Такой, которая все сама-сама
и по собственным рецептам.

«А я шарлотку так делаю», –
и понеслось...

На полке банки со специями,
стеклянные крынки

с надписями:

«Рис», «Горох», «Сахар».

И там, где написано

«Мука», там правда мука,

а не на дне старая заварка.

В шкафчике

полотенца стопочками,

ЧЕРНАЯ ВОДОЛАЗКА

разложены
по цветам и размерам,
между крахмальными простынями
ветки лаванды
и что-то такое
с вышивкой,
очень ненужное,
что называется
сухим и шуршащим
словом – саше.

ЖЕНЩИНА - ЖЕНЩИНА

А как же?

На подоконнике таз
с вишневым вареньем —
«два раза прокипятить»,
в вазочке — пенки,
на столе капуста
собственного закваса.

Но в доме, мамаша,
надо ж держать и другие закуски...

Когда же собраться
и научиться
хоть макароны
варить правильно,
ходить
не в магазин на углу,
а на рынок,
знать, что на прошлой неделе
помидоры стоили меньше
на три рубля,

ЧЕРНАЯ ВОДОЛАЗКА

шампиньоны, наоборот,
подешевели (надо брать),
а мясо – в той же цене...
Перебирать его на прилавке,
переворачивать,
мгновенно пронизать
все подлые замыслы
продавца, –
«Представляешь, он хотел мне подсунуть...»
Иногда прям так хочется
что-то там жарить и парить,
украсить салат,
перелить борщ
в фарфоровый супник
с кучерявыми ручками,
и крикнуть в сторону гостинной:
«Обед готов!
Идите ужинать...»

А еще ужасно хочется пойти в официантки,
купить накладные ресницы
и полное
собрание сочинений
Дарьи Донцовой.
Научиться ходить на каблуках,
флиртовать с посетителями,
чтоб они больше
оставляли на чай.

ЧЕРНАЯ ВОДОЛАЗКА

Говорить: «А вот попробуйте еще «карпаччо»,
уж очень оно у нас замечательное».

Ходить в кино,
копить на машину.

Бросить бармена,
закрутить с поваром-итальянцем,
висеть на доске почета
как работник, раскрутивший
максимальное число лохов
на дорогое французское вино,
которое они сроду не отличат
от крымского.

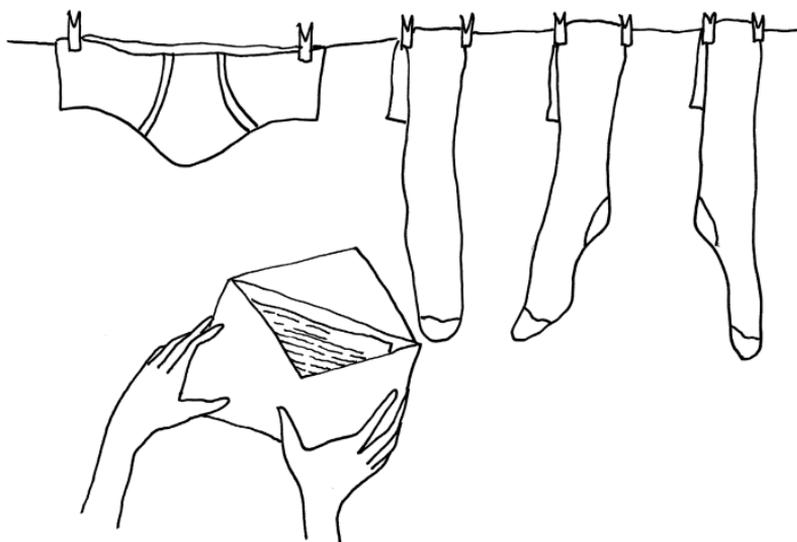
Пить сколько хочешь горячего шоколада
из кофе-машины
и уже разлюбить греческий салат.

А что мы имеем на деле?

Пока только
черную водолазку.

Осеннее обострение

РОМАНТИКА И ТРУСЫ

Хорошенько за полночь стояла в очереди в туалет в модном баре. И там две молодые девчонки в белоснежных кроссовках препирались у зеркала:

– Ну, посидим еще-о-о-о...

– Да мы и так тут все свободное время проводим!

И чувствовалось, что свободного времени у них много. А там бутерброд 500 р.

Потом ехала в метро на последнем поезде в час пятнадцать, рядом сидела пара, только с работы, целовались непрерывно, аж раздражали – молодой человек

ОСЕННЕЕ ОБОСТРЕНИЕ

азиатской наружности и русская девочка, такая вся нежная, с ямочками на коленках. И она ему говорит:

– Завтра получим деньги и поедем, купим свитера – тебе и мне. А то холодно становится. В две тыщи спокойно уложимся.

– У меня есть свитер.

– Да ладно, новый купим!

Такое у них событие наметилось. Он ей благодарно улыбнулся, и они продолжили целоваться. Уже не бесили.

И я вспомнила удивительную историю, как двое умных, образованных, читающих стихи людей – мужчина и женщина – немножко знали друг друга, а потом разъехались по разным городам и стали переписываться. И тут выяснилось, что они любят одних и тех же поэтов, и помнят из них одни и те же строчки, и вообще во всем совпадают, и родились хоть и в очень разных семьях, но как бы сразу родственниками. Решили пожениться. И вот он приезжает к ней в сентябре. И они гуляют-гуляют за ручку по аллеям, осязают друг друга, принимают, первые робкие поцелуи, и все прекрасно. И тут он ей говорит:

– Надо на рынок съездить, куртку мне теплую купить.

И на этом все заканчивается. И романтика, и отношения в целом. Она понимает, что это не ее мужчина: ни его куртку, ни его носки и тем более трусы она видеть не хочет никогда. Стихи стихами, а куртка – это уже быт, и к быту с ним она оказалась не готова.

РОМАНТИКА И ТРУСЫ

И тут я еще вспомнила, как позвонила мужчине своей жизни, который каждый день приезжал с коньяком, шампанским и клубникой:

– Зайди, говорю, в магазин, купи курицу на бульон.

И он больше вообще не приехал.

А еще подруга рассказывала точно из той же песни:

– Дальнего родственника за сорок познакомили с милой женщиной. Пошли они на свидание, возвращаются, и милая женщина говорит категорическое «нет». Спрашиваем: почему? Что случилось? Понимаешь, объясняет она, все так хорошо было, мы беседовали о кино. О книгах. А потом он купил себе трусы. Кинулись к родственнику: зачем трусы? Почему трусы? Что тебе так приспичило трусы покупать? А он говорит: «ну вот попались мне именно такие трусы, как я люблю, их не везде купишь, я сразу десять штук купил, по дороге же...» Так и остался холостым.

И следом нанизалось:

– Поехали в аптеку и купили ему противорадикулитный пояс. И он мне говорит: спасибо, что помогла выбрать. Это как будто наша первая семейная покупка. Тут и сказочке конец.

Наверное, когда можешь купить ему трусы или пояс противорадикулитный – это точно любовь.

И еще я почему-то вспомнила, как один парень рассказывал:

– У моего отца была несметная куча баб, и я его однажды спросил – чего они от нас хотят? А он сказал,

что за всю жизнь так и не понял. Сказал: сынок, они все разные на вкус и на ощупь. Они по-разному пахнут, по-разному ко всему относятся, по-разному целуются и все остальное. И фиг поймешь. Им всем нужно разное.

А вчера за столом в том же баре один умный человек сказал странную фразу: «Здоровый образ жизни уничтожает личность».

Не знаю, к чему это я. К тому, что все запуталось, нет законов ни у одного жанра. На первое сентября дети с тюльпанами идут, на Новый год – редиска свежая. Фиг поймешь.

Подумаешь, осень. «Если у тебя есть деньги, всегда можно улететь в лето». Если нет – пойти в ботанический сад. Там красиво. Две ночи подряд мне снились кошмары, я куда-то бежала, кричала от ужаса, Гас прибегал из другой комнаты, а Ася, которая спит рядом, – спала себе.

Сегодня я проснулась с ужасно печальной новой морщинкой в уголке рта и ощущением, что все вокруг как-то усложнилось.

В ПЛЕДЫ

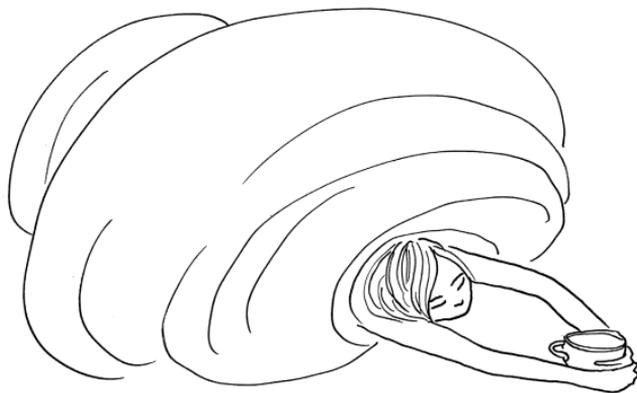
Наконец-то можно достать свитер. Термос и шарф. Перчатки не достаю – они теряются. Наконец-то кончилось тепло и солнце. Кожа не накаляется, можно снять очки, открыть глаза, проморгаться, не шуриться, не искать тени. Увидеть, кто стоит напротив и что-то рассказывает. Возможно, полезное.

В ПЛЕДЫ

Меньше пыли, больше ясности. Ясность ясеневая и зоркость яворовая, сказал Мандельштам в стихотворении, которое никто не может расшифровать, даже Быков. Стихотворение в жанре – «наваждение». Но иногда прям смотришь и понимаешь, о чем он. Что ясность – ясеневая. Нет, никаких мне больше югов, чебуреков, чириканыя, игр на воздухе. Мне надо остыть, я слишком нагрелась.

Ждала, когда листья уже перестанут бить золотом в глаза, в инстаграмы*. И вот они сдались и упали. Лежат теперь уютные, коричневые – кучкуются, устилают. Деревья могут от них отдохнуть.

Хочется побыть голым деревом, тоже все сбросить и постоять в сторонке, в состоянии «зимняя замкнутость». Как хорошо, что оно наступило и окутывает. И все замедляется, впадает в анабиоз. Никаких мне больше дайвингов, коктейлей на пляже, неудобных шезлонгов.

* Социальная сеть Instagram запрещена на территории Российской Федерации на основании осуществления экстремистской деятельности.

ОСЕННЕЕ ОБОСТРЕНИЕ

Пусть идут дожди – они любой ситуации придадут неопределенность и законченность одновременно. Пусть нависают свинцовые небеса – придавливают, как бабушкино ватное одеяло. И низкие облака пусть плывут – отгораживают от суеты, в них – как в перину, в кокон, в объятия, в пледы. В компостную яму. В берлогу. Зарыться и замереть. Не включать свет, подумать о вечном, вздремнуть, проснуться совсем под вечер. И смотреть странные сериалы. И братьев Коэнов. Когда-то же надо начать.

Осенние влажные дни убывают, тихо, как вода в стакане, медленно испаряются, впитываются в стены, оставляют мокрые пятна, как мыльные пузыри. И с самого утра начинаются сумерки, а значит, ничего обязательного. И так на ближайшие полгода. Пока не рассветет.

Осень, когда она серого цвета, это как свобода, как жизнь за тем, когда подведена черта; как чистый лист, на котором все можно нарисовать по-своему. Но это потом, потом, завтра, все завтра или весной...

ЭМИ

Вечером, 3 сентября, начался дождик, и я пошла на докфильм про Эми Уайнхаус. В семь вечера люди в метро уже спали. Летом не спали. А тут опять – еду с работы, уставшие, впавшие в осень. Иногда кажется, что это одни и те же люди ездят по кругу с серыми осенними лицами. Кто-то загорелый, веселый и в зеленых шортах, а кто-то в свитере и спит.

Когда я вышла из кинотеатра, дождь и не думал заканчиваться, и стало ясно, что люди в свитерах были правы. Фильм проделал во мне сквозное отверстие, и в него немножко задувало. Он был про Эми и про то, как ей не удалось справиться со своим папой. Который ее сначала бросил, а потом, когда она стала звездой, вернулся в ее жизнь и не соглашался отменять концерты, чтобы подлечить дочь от зависимостей. Ему было важно, что ей платят по миллиону за выступление. И она была как в тюрьме – в этой своей мировой славе и наркозависимости.

Я так расстроилась, что позвонила Гасу и сказала, что он может бросить школу прямо сейчас. Ничего страшного. Лишь бы не быть, как в тюрьме, где бы то ни было. Лишь бы жить. Подумаешь, школа. Будем танцевать на улицах, писать в анкетах – незаконченное среднее. Пойдем работать в «Макдоналдс», там и кормят, и гибкий график, и достойная зарплата. Регулярные премии. Я вижу такие объявления, и мне кажется: зачем еще что-то искать? Вот же теплое местечко.

Когда я подъехала к дому, был уже не дождь, а ливень. И водитель сказал: «Хотите, я провожу вас с зонтиком до двери?» Конечно, я захотела. И сразу представила, как иду, как английская королева, а он несет надо мной зонтик. На самом деле мы с ним просто очень быстро побежали.

Дома все спали, было темно, а на ковре посреди комнаты белели Асины резиновые сапоги – она приготовила на утро. Ася уже смирилась, что осень пришла, и спокойно уснула. Но я еще надеялась потянуть, посидела, пощипала винограду. А когда уже засыпала,

ОСЕННЕЕ ОБОСТРЕНИЕ

услышала, как подлетел комар, вяло пожужжал и не укусил, сдался. Последний летний комар. Скоро начнутся осенние мухи.

Во вторник начался сентябрь.

Дождь лил всю ночь.

Все птицы улетели прочь.

Лишь я так одинок и храбр,

Что даже не смотрел им вслед.

Пустынный небосвод разрушен,

Дождь стягивает просвет.

Мне юг не нужен.

Бродский, конечно. Всегда Бродский².

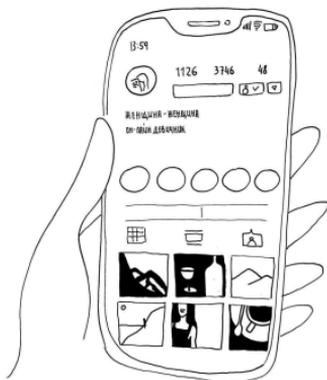
ВСТРОЕННЫЙ ФИЛЬТР

Чуть не через силу, по служебной необходимости зарегистрировалась в Instagram. Для практики запостила первые две фотографии. Ну и все. Что за чудо, думаю! Раз – и все видят! Стала мыслить картинками.

Тут же захотела сделать коллективное фото пассажиров троллейбуса, в котором ехала по Покровке (что само по себе перформанс). Это был троллейбус, полный безумцев. Живущие в центре и при этом ездящие на троллейбусе – это фрики с прекрасными лицами, которые не встретишь на улице Подбельского, и одетые в то, чего не встретишь в магазинах.

ВСТРОЕННЫЙ ФИЛЬТР

Конечно, мне захотелось сфотографировать очень бледного подростка в церкви. И брюки и рукава свитера были ему безнадежно коротки. И ботинки какие-то – не кроссовки, а ботинки именно. Он был не из нашего времени, он как будто в этой церкви родился 200 лет назад. Он был как герой Достоевского, хотя даже не крестился.

А потом и бабушку хотела сфотографировать. С толстыми свечами и такими же толстыми пальцами.

Ужасно захотелось сфотографировать, как надевают штаны на манекен в Massimo Dutti, расправляя складочки на всех местах. Смешно, заботливо и долго. Этот Instagram – просто зараза.

В «Библио-глобусе» захотелось сфотографировать даму в очках, которая сидела-сидела за столиком, а потом поискала и решительно раскрыла медицинский атлас с цветными картинками на устройстве мужской мочеполовой системы. И стала строго туда смотреть. Я за-

глянула – печально там все нарисовано, безжизненно. Надеюсь, ей кто-нибудь об этом расскажет.

Еще хотела заснять поэта, который читал в магазине стихи, посвященные автору книги о диетах «От имени всех мужей, чьи жены похудели благодаря вам». Поэт был в белой-белой ковбойской шляпе. И это вчера, в #ливеньидождь.

А как хотелось заснять кривые ноги девушки, которая стояла передо мной на эскалаторе! И подписать так: «Не в ногах счастье». Потому что кривоногую наверху ждал парень с зонтиком, они потом долго обнимались, целовались и пошли рядышком. Это моя давняя мечта, чтоб меня встречали у метро. Очень живописно.

Карочи, разжалела себя, пришла ближе к полуночи, сделала тосты, намазала их медом и что? Захотела их сфотографировать! Ага, на блюдечке.

Но видите, я мужественно борюсь с искушением и пока побеждаю. Мне нельзя в еще одну соцсеть, засасывает. Мне надо жить в реальности, хотя бы иногда. А то кончится тем, что я стану постить свои фотки с оттопыренными губами, хотя мне никогда не удастся их как-то конкурентоспособно оттопырить.

Ну и конечно, обо всем этом я уже написала на фейсбуке*.

Не фотографировать я кое-как могу, а вот не писать букашки.

* Социальная сеть Facebook запрещена на территории Российской Федерации на основании осуществления экстремистской деятельности.

РАЙ ДЛЯ ИНТРОВЕРТА

У меня внутри Петергоф отпечатался. Не знаю, на чем конкретно, но на чем-то с ворсинками. Отпечатался, как тавро геометрической формы. Как золотая татуировка, на которую смотришь с радостью, а она излучает. Сидишь-сидишь перед компом или в холодном троллейбусе и между делом задираешь манжет или брючину и поглядываешь. Напоминаешь себе, что счастье есть. А оно как бы внутри шуршит, переворачивается в норке. И греет. Вот у меня Петергоф там теперь. Я в него заглядываю. Зачерпываю тишину и журчание.

В Питере, при всем уважении, мне всегда было серо, сыро, зябко, зыбко. А в эту осень так сухо, что аж шелестело в ушах. И еще тепло и позолочено. Наяву любая картинка была такого насыщенного цвета, как будто ее уже обработали в фотошопе. И немножко перестарались.

Я прямо просыпалась и чувствовала, как вокруг за стенами стоит сумасшедшая красота. И трещит от собственной избыточности. И надо бежать и хватать ее руками, пожирать глазами, утолять зрительный голод. Потом поехала в Петергоф. В октябре там уже мало туристов, а фонтаны работают. Льют воду. Пустой парк выглядит и звучит по-другому. Легко представить, что весь он твой. И легко представить что ты – королева. Ампира-торша. И позади у тебя вечность. И впереди тоже.

Все-таки как хорошо, когда много гениев подумали об удобстве и красоте для одного царя. И при этом царь попросил их буквально ни в чем ни себе, ни ему не отказывать. И эти беспредельщики итальянцы не просто

начертили план парка, а как будто надышали его. Может, свои сны записывали, может, видения. Но во всем этом явно не только рисунок, расчет, геометрия и точность, но и что-то в целом необъяснимо совершенное. Самодостаточное.

Меня в нижнем парке накрыло, словно куполом, будто давным-давно умная и могущественная Гермiona начертила над этим местом невидимые защитные меридианы. Или что там? Нашептала защитные заклинания. Для меня ж безопасность – базовая радость. И она там есть. Ее там навалом. Я вот природу люблю, лес. Но могу ли я быть счастлива в лесу? Недолго, точно не вечно. А тут? Тут – да. И совсем для этого никто не нужен.

Неопределенное и плохое останавливается, нет, кончается вовсе. И ничего не напоминает о «земле», никаких примет времени – ни пивных бутылок, ни упаковок из

«Макдоналдса», ни уборщиков в оранжевых жилетках. Мало людей и много тишины. Фонтаны журчат, статуи молчат, мрамор мерцает. Белки перебегают дорожки в разных направлениях часто, как кошки. А вороны переходят. Маленькие легкие птички садятся на руки, царапают коготками.

Пространство просматривается во все стороны. Простор и уют, бесконечность и замкнутость. В конце каждой тропинки фонтан или фигура. Или беседка. Или ротонда. Мостик, дворец – большой или маленький. И все это излучает что-то помимо, помимо очевидного. Красоту, наверное. Это она и есть, да? Которая гармонизирует пространство, воздух и мой глубоко внутренний мир. Скорее всего, душевный.

В нем ведь только наведешь порядок, только разберешься, расставишь все по местам, отлакируешь, как тут же наваливается новое, новое, новое. Падает, падает сверху, как когда проигрываешь в тетрис. Нагромождается. Одно на другое. И не впихивается обратно, а торчит сверху и по краям, колется-режется. События, взгляды, обстоятельства. Набойка отвалилась, звонок пропустила. Не душа, а вечно проигранный тетрис. И когда идешь по кривой улице с совковыми пятиэтажками, оно усугубляется и продолжает громоздиться.

А в Петергофе не так.

Когда снаружи все настолько пропорционально, гармонично и тихо, то и внутри все зеркально укладывается в ровные колонки, без зазоров и асимметрии. И успокаиваешься.

ОСЕННЕЕ ОБОСТРЕНИЕ

Кажется, что окончательно. А сквозь листья струится такой густой золотой свет, что хочется называть его божественным. По красоте или даже по происхождению. Свет и покой проникают в меня и остаются. Так же, как во всяких полуподвалах обычно проникали холод и сырость.

Это интимное, но такое огромное чувство, что молчать не получится. Я не очень-то представляла себе пространство рая. Рай был человек, и не важно где. А теперь у меня большой и подробный опыт пребывания в раю. Я могу в него вернуться под общим наркозом или позже. И в любой момент могу описать вполне предметно.

Это такой парк. Огромные деревья в нежных красках. Идешь от Адама наискосок к Монплезиру. Листья бесшумно скользят под углом. Придают движение абсолютно идеальной картинке, во всем остальном застывшей. Звук струящейся воды следует за тобой. Доходишь до замкнутого дворика – там розы, липы, боковая аллея... Потом делаешь шаг в сторону – и открывается Балтика. Гладкая, уставшая, молчаливая, уже отвоевавшая свое. Видишь каменистый берег залива.

На камнях стоят чайки и тоже молчат. И дальше все. Дальше ничего нет.

РАЗГОВОРЫ ИЗ ВОЗДУХА

Надо привыкнуть, что дети больше не ходят со мной гулять, ни в будни, ни в выходные. Надо было давно привыкнуть, но все, что связано со временем, – для меня неожиданность. Каждый взгляд на часы и календарь...

В основном: «О, уже так поздно!» И почти никогда: «О! Еще так рано!» Чаще: «Как лето кончилось? В смысле, осень?» Время уходит вспять, время уходит спать.

В «Аптекарском огороде» красота невозможная. Сакура покраснела, дубы-колдуны покоричневели, остальные колеблются между, во всех оттенках и переливах. Глаза с трудом привыкают к изображению естественной яркости и высокого разрешения. Фонтанчик журчит, императорские рыбы пытаются впасть в летаргию, им мешают – детки тюкают монетками по темечку. Рыбы уходят поглубже, чтобы замереть, уснуть, но нет. Кошмар, и я их понимаю, как никто.

Бегонии умудряются цвести, где-то рядом звонит церковный колокол, два раза за час пролился дождь, везде таблички «Не сходите с дорожек!» Названия растений читаются как стихи, как песни («Лилия слегка волосистая», ничего себе слегка), по полю ходят две рыжие утки – это местные, у них тут прописка. И обязательно найдутся две дуры, которые фотографируются в кустах. И две умные тоже. У них, как у камер на телефонах – автоматические настройки: заходят в куст, выгибаются и улыбаются, – просто реклама стоматологии. Щелчок, и вот они уже выходят из куста, надев на лицо серое будничное выражение. Опыт.

Упали сумерки, ушел сдуватель листьев с дорожек со своей трубой. На лужайке под старым дубом – он, между прочим, «Заслуженное растение России», – ползает автоматический газоноуборщик, напоминает, что мы в двадцать первом веке.

В оранжерее зажгли свет, и она засветилась в глубине за деревьями, как гигантский ночник. Или волшебная лампа с растительным орнаментом.

И ведь русским языком написано: «В теплой водичке добрые пираньи ждут ваши ручки». Администрация, видимо, исчерпала вежливые формулировки, а народ все стремится сполоснуть руки в водоеме с редкими цветами. Но испугать москвича не так просто.

– Пиранья? Где пиранья? Ее покормить? У меня батончик мюсли в сумке есть.

Бабулю в беретке, которая задумчиво глядела на кувшинку и возможно даже, там, под береткой, слагала хокку, передергивает от ужаса. Кормить пиранью!

Когда так настойчиво просят не сходить с дорожек, хочется именно сойти.

И разговоры из воздуха рядом.

Жетеньки

– Я сыну суп в тарелку наливаю, крышечкой накрываю и ставлю в холодильник. Чтоб он потом только погрел. А сама – на работу. Не положишь, так и не поест, хотя ему скоро 17.

– Моему 35 и все то же самое.

Подрастает

– Если ты ее бросаешь, так и скажи, а ты только титьки мнешь!

– Ничего я не мну...

– Ну еще хуже.

Женщины под шестьдесят

– Дай руку? Что это у тебя? Отложение солей? Надо аппаратом погреть. А вот эту точку знаешь? Между указательным и большим? «Точка жизни» называется. Давишь? Каждый день?

– Ай, ты мне дырку сейчас сделаешь! Не хочу «точку жизни». Итак все болит.

Охранники

– Тебе надо полностью отстраниться.

– Нет, я ему все выскажу.

– Нет, тебе надо отстраниться, прямо полностью.

Женщины в районе сорока

– Я на ямочки западаю: вижу – щека, вижу – ямочка, и влюбляюсь с первого взгляда.

– И что? Жизнь тебя не учит? Полный дом детей с ямочками на щечках. В следующий раз, может, погоди влюбляться? С ямочками – они тряпки все. Погоди, говорю. Приглядишься, может, там рядом скромник какой ходит, а у него, может, такие внутренние ямочки, что маманегорюй. Ты уже не в том возрасте, чтобы игнорировать человеческие качества.

Девушки в районе тридцати

– Родственники дали денег на золотое кольцо, а я пошла его выбирать с такого похмелья страшного, что теперь смотрю на это кольцо и думаю: как? Как я могла такое... Позор! Просто позор.

Снаружи ботанического сада многополосное движение, проспект Мира, шум и бирюзовые башенки центральной мечети.

– До радиальной под землей или по воздуху пройдемся? Ну так вот, я и говорю...

ПИТЕРСКИЕ РАЗГОВОРЧИКИ

На колоннаде Исаакиеве

Парень и девушка разглядывают сверху Исаакиевскую площадь. Он показывает на Мариинский дворец.

– А это что за особняк?

– Вокзал, наверное, какой-то. Пошли дальше.

Возле Медного всадника

– Смотри, нога лошади Петра какбэ попирает ядовитую змею, тока я забыла, что она символизирует.

– Медицину, конечно!

В очереди кондитерской «Бүше»

– Ладно, сегодня я тебе все прощаю...

– А что прощать? Мне прощать нечего!

– А дома барда-а-а-а-а-а-а-ак...

– Это потому, что я работала вчера.

– А позавчера? А три дня назад?

– Обижусь.

– Вот я и говорю: сегодня все прощаю!

В столовой на Невском

Муштина с футляром от контрабаса (ну и с самим, наверное, контрабасом в нем) и в красном шарфике. Достал бутылку, влил пару бульков в компот, набрал номер:

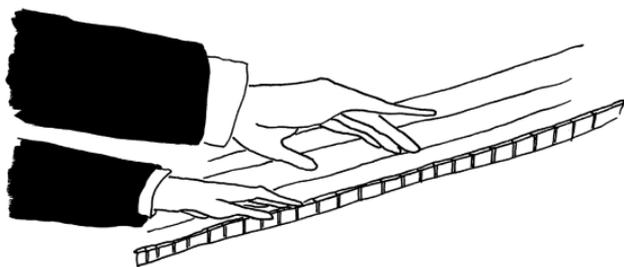
– Мне НАДО тебя увидеть. Нет, я бы предпочел ЛИЧНУЮ встречу. Да, обязательно. Нет, НЕ МОГУ сказать зачем. Почему? *(встал)* Потому, что нахожусь в общественном месте!

ГРИГОРИЙ СОКОЛОВ

Наде Ждановой

Сначала мы ехали на поезде до Болоньи и видели охотника с двумя крапчатыми длинноухими собаками, и стаю фазанов – как на картине маслом, и облетевшие виноградники, и все еще ярко-зеленые поля, поля, и сельские дома с черепичными крышами, и все еще в желтых листьях деревья.

Мы ехали на концерт великого пианиста Григория Соколова. Два года я смаковала предвкушение, и не верилось, что вкушение уже близко.

Потом мы еще бегали по запутанному болоньевскому вокзалу и оттуда ехали на электричке в Модену. Тут публика не такая рафинированная, как в центре Вероны. Похожа на ту, что ездит, например, в Дубну с Савеловского – рабочий народ, офисный люд, студенты, кто-то прятался от контролеров в тамбуре... Ехали стоя, вагоны битком, час пик.